

Ст. н. с. СОИГСИ
Ф.Б. Мсоева

Республики Северного Кавказа в системе современных этнополитических отношений Российской Федерации

Ф.Б. Мсоева

Современное состояние общественного развития свидетельствует о том, что национальных проблем в «чистом» виде не существует. Они тесно переплетаются с социально-экономической сферой. В то же время межнациональные конфликты, как очень сложная, многогранная сфера социальных отношений, нуждаются в систематическом научном исследовании. Российская Федерация – многонациональное федеративное государство, где совокупность исторических, политических, религиозных и социальных факторов создает неповторимый полинациональный колорит. Свое непосредственное выражение он находит в образе жизни, в традициях, менталитете, фольклоре, национальных и культурных обычаях и т.д. При такой этнической специфике межнациональные отношения приобретают особую социальную роль и придают политике государства в этой сфере первостепенное значение. Известные исследователи российского федерализма профессора Р.Г. Абдулатипов, В.А. Михайлов и А.А. Чичановский утверждают, что «выстраивая концепции и программы развития наций и межнациональных отношений и перспективы их сотрудничества, важно исследование и элементов, характеризующих единство и многообразие духовной жизни наших народов» [1], что целью проводимой национальной политики должна стать «своевременная и гармоничная адаптация политики государства и общества к самобытным реалиям под названием территории и нации» [1, с. 101]. Если эти факторы не принимаются в расчет в межнациональных отношениях, то обостряются не только социальные, но и другие противоречия. Практика развития межнациональных конфликтов показывает, что наиболее благоприятной питательной почвой для них служит нерешенность социально-экономических проблем, неумение и нежелание органов власти брать на себя ответственность

в решении возникающих проблем. Отечественные специалисты по национальной политике и этнической конфликтологии Ю.В. Арутюнян и Н.М. Дробизева подчеркивают, что «в чистом виде этнических конфликтов быть не может. Конфликт между этническими общностями происходит не из-за этнокультурных различий, а потому, что в конфликтах обнажаются противоречия (но не просто различия) между общностями людей, консолидированными по этническому принципу» [2].

В многонациональной Российской Федерации одной из основных задач, без решения которой федерация нового типа не может быть построена, был и остается национальный вопрос. По этому поводу Р.Г. Абдулатипов пишет: «Национальный вопрос исторически вмонтирован в России в проблему государственного устройства. Соответственно, это обуславливало решение проблем обустройства русского и других народов в одном государстве, интеграции народов и культур в общую правовую, организационно-административную, управленческую структуру» [3]. Соглашаясь с авторитетным мнением ученого и политика, отметим, что строительство федерации на подлинно демократических началах – двуединый процесс. С одной стороны, его развитие зависит от цивилизованных форм решения национального вопроса, с другой – он невозможен без своевременного преодоления возникающих противоречий, как на национально-государственном, так и на административно-территориальном уровнях. Только в единстве эти тенденции могут стать прочным фундаментом реформирования федерации в целом. На рубеже 1980–1990-х гг. управление на огромной территории России все еще строилось таким образом, что центральные органы РСФСР серьезно ограничивали и юридически, и фактически самостоятельность и возможность эффективно-

го социально-экономического развития автономных образований, краев и областей. Это вызывало недовольство «мест» федеральным Центром. Падение уровня жизни людей, ответственность за благосостояние которых падала на плечи региональных и республиканских органов, и при этом отсутствие реальных рычагов власти, стимулировало процессы децентрализации, носившие первоначально стихийный характер провозглашаемых деклараций о суверенитете. Россия стала дробиться на «суверенные национально-государственные образования», в результате чего страна оказалась перед угрозой распада и потери своей политической и экономической независимости. Исследователь российского федерализма А.Б. Зубов замечает по этому поводу: «При переходе от государственной собственности к частной тот, кто обладает властью, обладает и собственностью. Чем в большей степени автономна национальная республика от Москвы, тем более свободно могут распоряжаться ее природными и созданными богатствами те, кто в этой республике властвует, тем меньше им надо давать отступного центру, тем меньше их отчетность, подконтрольность» [4]. Необходимо отметить, что постоянная угроза межэтнического конфликта была необходима республиканским вождям для того, чтобы оправдать перед Москвой свой жесткий стиль административного управления. Коррумпированным элитам это было необходимо для приватизации собственности и власти.

Этнополитические процессы в России в 90-х годах XX века во многом напоминают те, что происходили в СССР накануне его распада. Но вместе с тем нельзя не отметить особенности, отличающие Россию от СССР и определяющие своего рода гарантии сохранения территориальной целостности государства. Если против власти бывшего союзного Центра выступали практически все республики, то в современной России большинство руководителей республик хорошо осознают опасность усиления внутренних противоречий в случае выхода их автономий из состава федерации. Некоторые из этих республик на себе ощутили негативные последствия политического и религиозного экстремизма, этнополитических конфликтов, сепаратизма. Например Дагестан, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария. Некоторые республики стали предъявлять территориальные притязания соседям. К масштабному вооруженному кровопролитному столкновению весной 1992 года привели территориальные претензии Ингушетии к Северной Осетии. В Кабардино-Балкарии были обострены терри-

ториальные споры между кабардинцами и балкарцами. Взаимные территориальные претензии этнических общностей имели место в Дагестане. Исследователи этнополитических процессов и проблем национально-государственного строительства на Северном Кавказе профессор В.Д. Дзидзоев и доцент А.М. Кадилаев отмечали: «В последние годы, в силу известных причин, в республиках Северного Кавказа происходят важные процессы в политической, социально-экономической, культурной и особенно в межнациональных областях. Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Дагестан оказались в сложной ситуации – скрытно или открыто предпринимаются попытки развала этих республик. Верховный Совет Кабардино-Балкарии «благословил» разделение и образование суверенных республик Балкария и Кабарда. Провозглашение Чеченской Республики в 1991 г. фактически разделило на две части бывшую Чечено-Ингушскую Республику. Этой же «болезнью заболели» коренные народы Карачаево-Черкесской Республики и Дагестана. В сложнейших межнациональных условиях кумыки, ногайцы, лезгины и некоторые другие народы Дагестана пытаются определить свое место в этом непредсказуемом мире, выйти из тяжелейшего положения с меньшими потерями. Решение этой задачи определенные круги кумыков, ногайцев, казаков и лезгин видят исключительно в праве нации на самоопределение вплоть до образования самостоятельных республик» [5]. Об этой проблеме ученые писали в 1992 году, но и сегодня, спустя 14 лет, межэтнические проблемы на Северном Кавказе остаются злободневными.

В начале 90-х гг. XX в. на съездах кумыкского, ногайского, лезгинского народов были провозглашены на территории Дагестана «новые республики» – Кумыкстан, Ногайстан и Лезгистан. А в октябре 1992 г. была предпринята попытка создать Конгресс оппозиционных сил в Дагестане. Но расхождения в концепциях государственного устройства Республики Дагестан были столь существенны, что республиканской власти создать оппозицию лидерам национальных движений «Тенглик», «Садвал», «Бирлик» и др. не удалось. Через месяц состоялся съезд народов республики, на котором были утверждены две позиции – российский статус Дагестана и невозможность его федерализации. Официальной власти Дагестана с большим трудом удалось сохранить существующий статус и, воспользовавшись разногласием в стане оппозиции, развернуть хорошо продуманный диалог с лидерами национальных движений. Таким образом, ценой ог-

ромных усилий сторонников единства Дагестана, территориальная целостность республики была сохранена.

Обращаясь к проблеме целостности Российской Федерации, известный политик и ученый В.А. Рыжков выделил несколько «групп угроз» ее распада. Одну из них он связывает с распадом государства в политико-географическом смысле. Здесь речь идет о прямой сецессии ряда республик Российской Федерации, и крайнее проявление такой угрозы – Чечня, где не действовали ни российская конституция, ни российское законодательство, ни экономические законы страны. Другая разновидность угрозы – возникновение территориальных анклавов. По мнению В.А. Рыжкова, примером может служить Дагестан, который является таким же анклавом, как и Калининградская область. В этой многонациональной республике Северного Кавказа сложилась тяжелая социально-экономическая, межэтническая, этноконфессиональная ситуация, поэтому здесь постоянно возникают тяжелые процессы полиэтнического характера. Угроза единству России кроется также в наличии в конституциях некоторых субъектов федерации юридических норм суверенитета, которые являются своего рода минами замедленного действия. В условиях кризиса или просто серьезного обострения политической обстановки в стране они способны взорвать ситуацию [6].

На сегодняшний день, как показывают политические события последнего времени, ни одна республика пока не желает расставаться с Российской Федерацией. Например, в Концепции государственной политики Республики Дагестан говорится: «Основой национального самосознания дагестанцев является историческое понимание своей общности, а также нахождение в составе России, в едином Отечестве, право самостоятельного разграничения полномочий с федеральными органами власти и осуществления государственной власти и управления на территории республики в соответствии с Конституциями Российской Федерации и Республики Дагестан. Дагестан объединен единством целей и задач по сохранению, самобытному развитию и сотрудничеству всех народов, укреплению своей коллективной государственности, сплочению, усилению всех народов Дагестана по эффективному экономическому и культурному строительству совместной и благополучной жизни. Дальнейшее упрочение исторических традиций созидательных и добрососедских межнациональных отношений в Республике Дагестан во многом зависит от самочувствия каждого народа, дагестанца любой национально-

сти в своем родном Отечестве. Историческая роль в этом процессе принадлежит русской нации, преобладающей в Российской Федерации в целом. Именно своевременное разрешение проблем обустройства и благополучия русских в Российской Федерации, учет и удовлетворение их специфических интересов в Республике Дагестан во многом будут влиять на характер и климат межнациональных отношений в Республике Дагестан» [7].

К этому следует, на наш взгляд, добавить, что в начале 90-х годов XX века некоторые руководители республик Северного Кавказа (Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана) предложили федеральному Центру конкретный план сохранения целостности Российской Федерации на Северном Кавказе [8]. В нем говорилось о «необходимости строгого учета этнической составляющей» и о специфике процесса реформирования власти на Северном Кавказе [8]. Без этого можно получить «вместо демократии и обновления углубление экономического кризиса и межнациональные конфликты, которые будут представлять наибольшую угрозу государственности Российской Федерации на Северном Кавказе» [8]. Тем самым внимание федерального Центра обращалось на то, что «ни наука, ни практика федеративного строительства не оказались способными адекватно реагировать на состояние экономических процессов» [8, л. 70].

Следует признать и тот факт, что в 90-е годы XX в. федеральный Центр не оказывал должного внимания проблемам Северного Кавказа. Дело в том, что при решении судьбоносных вопросов государственности Российской Федерации в этом регионе федеральный Центр проявлял себя слишком аморфно. Национальную и федеративную политику, которую тогда проводила Москва, не смогли своевременно и активно адаптировать к специфическим условиям Северного Кавказа. Это стало причиной того, что в многонациональном регионе страны «забыли» о необходимости «строго учитывать в управленческой системе сочетание и взаимодействие национально-этнической и общегражданской, федеративной составляющих, где базисным ядром должен выступать гражданин Российской Федерации, реализующий в полном объеме права и свободы, независимо от национальной принадлежности, и уважающий индивидуальные и коллективные этнокультурные, и религиозные права других» [9]. Если бы федеральный Центр учел тогда все эти моменты, то можно было бы в будущем снизить количество межнациональных конфликтов в регионе. И, конечно же, прав Р.Г. Абдулатипов, который пишет: «Любое

обострение на межнациональной почве, ущемление прав по национальному признаку, разрушение традиционной среды обитания этносов и культур, в конечном счете, угрожает безопасности страны: в этом случае конфликтогенная цепочка срабатывает по принципу бикфордова шнура: кто-то кого-то обидел здесь как инородца, национального чужака, а в отместку где-то обидели, а то изгнали другого. В результате страна превращается в сообщество ненавидящих друг друга людей, а в такой обстановке не до созидания и обустройства жизни в государстве» [10].

Соглашаясь с авторитетным мнением Р.Г. Абдулатипова, еще раз напомним, что Россия исторически всегда была многонациональной державой. На этнический состав ее населения свой отпечаток накладывало то обстоятельство, что государство расположено в двух частях света, где взаимодействует огромное количество разных культур, традиций, религий и даже цивилизаций. Поэтому очень сложно в Российской Федерации выбрать правильную, научно обоснованную и перспективную национальную политику. От этой политики во многом зависит настоящее и будущее россиян, да и судьба современной российской государственности. Национальная политика в Российской Федерации – это прежде всего «проблема, адекватная интересам и потребностям развития всех народов (наций), государственной позиции», практики умелого и законного управления [9, д. 52, л. 136]. Здесь необходимо указать на то, что в Российской Федерации по Всесоюзной переписи 1989 г. проживало 120 народов, а по данным 1994 года уже было зафиксировано 176. По мнению Р.Г. Абдулатипова, это «указывает на рост национального самосознания и стремление к этнической идентификации» [10, с. 103]. Такой вывод актуален особенно для Северного Кавказа, так как все республики этого региона многонациональны и многоконфессиональны. В каждой республике проживают как минимум представители 100 народов. Но в целом по Российской Федерации этнодемографическая ситуация характеризуется большим преобладанием русских (свыше 82 %, или более 120 млн человек) [10]. Из них несколько миллионов человек проживает на Северном Кавказе (в Республике Адыгея и Карачаево-Черкесской Республике русских больше, чем представителей титульных наций). В связи с этим необходимо отметить тот факт, что из 21 республики в составе Российской Федерации «только в шести народы, давшие название этим республикам, составляют большинство (Чечня, Ингушетия, Чувашия, Тыва, Ка-

бардино-Балкария и Северная Осетия-Алания), а в девяти доля «титульных» народов не превышает трети общего количества населения» [10, с. 104]. Однако с начала 90-х годов XX века в республиках Северного Кавказа растет неуверенность и незащищенность русских и русскоязычных, несмотря на вышеупомянутые объективные показания. К этому следует добавить, что с 1991 г. сепаратизм в отдельных республиках Российской Федерации стал одним из наиболее важных российских этнополитических проблем, угрожающих устоям и целостности многонационального государства [8, л. 124].

Осенью 1991 г. во время общего кризиса власти, охватившего всю страну после путча ГКЧП, обострение отношений между местным руководством и национальной оппозицией в Чеченской Республике способствовало появлению экстремистских организаций, движений и тенденций. В сентябре 1991 г. Общенациональный Конгресс Чеченского Народа (ОКЧН) при помощи незаконных вооруженных формирований – так называемой национальной гвардии – разогнал Верховный Совет республики и захватил административные здания в Грозном. 1 ноября 1991 г. Чеченская Республика Ичкерия провозгласила себя независимым государством. В Указе Президента Чеченской Республики генерала Д. Дудаева «О государственном суверенитете Чеченской Республики» говорилось: «Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете республики и волеизъявлением граждан Чеченской Республики, выраженным прямыми и всеобщими выборами, объявить о государственном суверенитете Чеченской Республики с 1 ноября 1991 года» [11]. Кроме того, была принята Конституция независимой Чеченской Республики, в преамбуле которой было сказано: «По воле Всевышнего народ Чеченской Республики, выражая стремление чеченского народа, руководствуясь идеями гуманизма и целью построения социально-справедливого общества, признавая себя равноправным субъектом в системе мирового сотрудничества наций, принимает настоящую Конституцию и считает ее впредь основным законом общества и государства» [12]. В ст. 1 говорилось о создании независимого государства: «Чеченская Республика – суверенное демократическое, правовое государство, созданное в результате самоопределения чеченского народа. Она обладает верховным правом в отношении своей территории и национальных богатств, самостоятельно определяет свою внешнюю и внутреннюю политику, принимает Конституцию и Законы, обладающие верховенством на ее

территории. Государственный суверенитет Чеченской Республики неделим» [12].

Идея отделения Чечни от Российской Федерации и создания независимого государства возникла в условиях горбачевской перестройки в конце 80-х годов XX в., когда негативные процессы в общественно-политической жизни страны стали приобретать угрожающий характер для государственной безопасности Российской Федерации. На происходящие в ЧИ АССР этнополитические процессы тогда пытались обратить внимание руководства страны депутаты Верховного Совета РСФСР. Они выражали серьезную озабоченность тем, что происходило в Чечено-Ингушской АССР: «Национализм титульных народов автономной республики становится угрожающим и дестабилизирующим. Имеется большая вероятность того, что национализм... отзовется через короткое время непредсказуемыми событиями, которые уже невозможно будет контролировать» [13]. Они считали, что бурный рост этнического национализма «угрожает даже национальной безопасности страны» [13, л. 27]. Но в разгар острой политической борьбы за власть эти призывы остались без внимания.

Исследователь истории и культуры Чечни профессор Д.Д. Гакаев писал: «Проблема независимости Чечни была искусственно обострена национал-радикалами в целях захвата, затем и удержания власти. У многонационального народа ЧИР никто не спросил: какой суверенитет он хочет? Одно было очевидно, что чеченский народ хочет иметь гарантии от возможных в будущем рецидивов имперской политики России, быть хозяином на своей земле, завершить многовековой процесс создания своей государственности. Но, с другой стороны, большинство людей в Чечне понимало, что решить эту проблему нужно в соответствии с нормами международного права, интересами других этнических групп, а главное – мирным путем» [14]. На самом деле «национал-радикалы» Чеченской Республики, поддерживаемые московскими радикал-демократами, ввергли в продолжительный системный кризис не только Чечню, но и весь Северный Кавказ.

Вступление федеральных вооруженных сил в Чеченскую Республику в декабре 1994 г. стало причиной усиления экстремистских тенденций, воинственного сепаратизма, политического и религиозного экстремизма, русофобии и т.д. Боевые действия на территории Чеченской Республики в 1994–1996 гг. способствовали превращению политического и религиозного экстремизма в мощную политическую силу, которая сыграла огромную отрицательную роль

в общественно-политической жизни Северного Кавказа и заметно повлияла на политическую ситуацию в Российской Федерации. Главным очагом этнического сепаратизма на Северном Кавказе стала Чеченская Республика. После вывода российских войск с территории мятежной республики в августе 1996 г. Чечня фактически, по сути дела стала независимым государством, на территории которого было приостановлено действие Конституции и законов Российской Федерации. Профессор Р.Г. Абдулатипов отмечал: «С окончанием войны в 1996 г. в Чечне этнополитическая напряженность в самой республике и вокруг нее не снижалась, а только нарастала. Главная причина – беспрецедентное усиление самостоятельности этнократии, ее стремление продемонстрировать мировому сообществу полную независимость своих действий. Республика жила по своим законам, вне правового поля Российской Федерации, связанная с ней лишь экономической зависимостью, тесными отношениями с чеченскими диаспорами, а также каналами криминального характера. Террористические акции, похищение мирных жителей, угон скота стали обычными явлениями в приграничных с Чечней районах Дагестана, Ставрополя, Ингушетии. А потом была и наглая агрессия террористов против Дагестана» [15]. Соглашаясь с мнением Р.Г. Абдулатипова, необходимо добавить, что в Ингушетии сепаратистские настроения также усилились, особенно после вооруженной агрессии ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию в октябре–ноябре 1992 г. В 1993 г. съезд народа Ингушетии рассматривал вопрос о провозглашении независимости республики, выходе ее из состава Российской Федерации, заключении межгосударственного союза с Чеченской Республикой. Но в 1993–1994 гг. президент Ингушетии Р.Аушев выдвинул такую программу возрождения ингушского народа и создания ингушской государственности, которая смогла переломить сепаратистские настроения.

В первой половине 1990 г. центробежные тенденции появились и в Кабардино-Балкарской Республике. Некоторые идеологи балкарского национального движения «Тере» рассматривали национально-политическое самоопределение как универсальный способ разрешения этнических проблем. В связи с этим 17 ноября 1991 г. был созван 1 съезд балкарского народа, который провозгласил Республику Балкария в составе РСФСР, заявив о национальном суверенитете балкарского народа. Съезд принял также постановление об образовании Национального Совета балкарского народа, который был объявлен

высшим органом власти балкарского народа между съездами [10]. Это достаточно сильно накалило этнополитическую обстановку в республике. Межнациональные отношения заметно осложнились.

В январе 1992 г. 1 съезд кабардинского народа принял решение «О восстановлении Кабардинской Республики» и избрал Конгресс кабардинского народа. Решения съездов были одобрены постановлением Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР от 19 ноября 1992 года. Национальный Совет балкарского народа и Конгресс кабардинского народа стали наиболее влиятельными и деструктивными политическими силами в Кабардино-Балкарской Республике на протяжении 1992–1993 гг. Но учитывая, что упомянутое постановление бывшего Верховного Совета республики противоречило как Конституции Российской Федерации, так и Конституции Кабардино-Балкарской Республики, оно было отменено постановлением Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 21 июля 1994 года [16].

Аналогичные события происходили и в Карачаево-Черкесии, где процесс раздела республики начали также представители репрессированного народа – карачаевского. В отличие от балкарцев, это крупнейший титульный народ своей республики. Съездом карачаевцев в 1991 г. был создан оргкомитет по созданию карачаевской республики. В октябре 1991 г. уже была провозглашена Республика Карачай. Это вызвало ответное движение терского казачества, проживавшего на территории Карачаево-Черкесии. На казачьих съездах были провозглашены Баталпашинская Республика (август 1991 г.) и Урупско-Зеленчукская Республика (ноябрь 1991 г.). Съезд черкесского народа в октябре 1991 г. провозгласил Черкесскую Республику, а съезд абазин – Абазинскую Республику. Таким образом, на территории Карачаево-Черкесии горе-политики, экстремисты различного уровня и «таланта», так называемые национальные лидеры и национальные движения провозгласили пять новых республик в составе Российской Федерации. В декабре 1991 г. Совет народных депутатов Карачаево-Черкесии решил провести референдум о сохранении единства Карачаево-Черкесии. Референдум был проведен в сложной этнополитической обстановке в марте 1992 г. Результат оказался положительным, так как в пользу сохранения единства высказалось 78,6 % населения республики.

Вторая волна требований о разделе Карачаево-Черкесии пришлась на конец 1994 г.–начало 1995 г. Теперь ведущую роль взяли на себя активисты национальных движений черкесов, абазин и рус-

ских. На своем объединенном съезде черкесы предложили воссоздать Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края. Так создавался масштабный политический кризис в республике, разрешить который пришлось специальной комиссией во главе с руководителем администрации Президента России С.Филатовым. В результате этого была восстановлена система назначения федеральным Центром высшего должностного лица в Карачаево-Черкесской Республике.

Не менее острый политический кризис разгорелся на выборах в Карачаево-Черкесии в мае 1999 г., в период борьбы за президентское кресло, проходившей в основном между представителями карачаевской и черкесской сторон. Второй тур этих выборов сопровождался массовыми нарушениями федерального законодательства и законодательства Карачаево-Черкесии о выборах. Органы власти полностью утратили контроль над этнополитической ситуацией. В межнациональное противостояние было втянуто также и русскоязычное население республики. Победу на выборах одержал карачаевец, генерал армии В. Семенов, выигравший у черкеса, предпринимателя С. Деревя. Это и стало основной причиной «раскола» Карачаево-Черкесской Республики по национальному признаку. Необходимо признать, что наделение значительными полномочиями главы республики, закрепленное Конституцией и законодательством Карачаево-Черкесии, только консолидировало титульные национальности, создав конфронтационную атмосферу во время второго тура выборов. Общество оказалось не готово к проведению свободных демократических выборов, на котором настаивало большинство общественно-политических движений и населения республики [17]. Последствия раскола до сих пор негативно сказываются на межнациональной ситуации и этнополитической обстановке в республике. Ведь от консолидации до мобилизации один шаг. Противостояние адыго-черкесов и карачаево-балкарцев способно было взорвать мир не только в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, но и на всем Северном Кавказе [17]. Целый год продолжался этнополитический кризис в Карачаево-Черкесии, пока в 2000г. в республике не была введена система этнического представительства.

Пост президента республики занял карачаевец, вице-президентом стал русский, председателем правительства был назначен черкес, председателем парламента – ногаец.

Почти такая же сложная, взрывоопасная этнополитическая ситуация сложилась еще раньше – в

1994 г. в Дагестане. Правда, выборы здесь проводились в местные представительные органы власти, но и они привели к этнополитическому кризису в республике. Это было связано с тем, что в результате организованных в строгом соответствии с классическими требованиями выборов во всех полиэтнических городах и районах Дагестана в депутатский корпус попали представители одной–двух национальностей. Примером может служить то, что в Махачкалинское Собрание в основном прошли аварцы и даргинцы, в Каспийское – подавляющее большинство избранных – аварцы и даргинцы, в Кизилюрте все городское собрание оказалось аварским. Таким образом, в конкретных условиях Дагестана при классической модели выборов реальную возможность стать депутатом имели лишь представители самых крупных наций. Поэтому представители всех остальных наций и этнических групп вышли на площадь Махачкалы с «политическими протестами».

Необходимо отметить, что с начала 90-х годов XX века для того, чтобы достичь этнополитической стабильности на Северном Кавказе, искали способы, которые бы позволили обеспечить принцип этнического представительства при формировании органов государственной власти, как на республиканском, так и на местном уровнях. Победившие кандидатуры считали, что даже добытая ими демократическим путем победа не гарантирует нормального функционирования политической системы, так как концентрация власти в руках представителей одной, численно доминирующей нации, чревата взрывом и распадом республики по этническому принципу. Для укрепления стабильности в обществе руководство Дагестана приняло решение обеспечить представительство всех этнических групп как в органах местной власти, так и на республиканском уровне. Этот опыт был закреплен в Конституции Республики Дагестан. Таким образом, этнополитический кризис в Дагестане был разрешен.

Самыми опасными и сложными источниками межнациональных и этнополитических конфликтов на Северном Кавказе являются этнотерриториальные противоречия. И даже если обратиться к мировой практике, то все межнациональные и этнополитические конфликты в своей основе имеют этнотерриториальные притязания (Косово в бывшей Югославии; Южная Осетия и Абхазия в бывшей Грузинской ССР; Курдистан в Иране, Ираке и Турции и т.д.).

Другая запутанная проблема – сложное и противоречивое понятие «этническая территория», «исконное место проживания» того или иного народа. Их не так-то легко определить, особенно на Кавказе.

Основы автономной государственности наиболее крупных северокавказских коренных народов (кабардинцев, балкарцев, чеченцев, осетин, ингушей и др.) были заложены еще в советское время, в ходе национально-государственного строительства народов Кавказа. Этот процесс породил целый ряд этнополитических и межнациональных проблем. Во-первых, в регионе сложилась иерархическая система национально-государственного устройства, так как автономные республики здесь обладали большими правами по сравнению с автономными областями, которые входили в состав Ставропольского и Краснодарского краев. Во-вторых, некоторые неродственные народы (по этногенезу, языку и т.д.) были объединены в рамках одной государственности (например, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия), а родственные (например, карачаевцы и балкарцы или кабардинцы и черкесы) были разделены. Необходимо указать и на то, что Карачаево-Черкесия претерпела несколько разделов и объединений. В начале 1990-х годов XX века в условиях всеобщего политического и экономического хаоса на территории Карачаево-Черкесии, как уже подчеркивалось выше, было провозглашено пять самостоятельных республик. Только благодаря немалым усилиям и взвешенной политике удалось предотвратить эскалацию этнополитических конфликтов в республике и сохранить ее целостность [18]. Тем не менее очаги этнополитической напряженности в регионе сохранялись и до сих пор сохраняются.

Необходимо отметить, что не все коренные народы Северного Кавказа получили ту или иную форму автономной государственности. Например, абазинцы и ногайцы. В советское время этнические ногайцы были разделены между Дагестаном, Чечней, Карачаево-Черкесией и Ставропольским краем. Тем самым в этнополитические процессы и межнациональные отношения на Северном Кавказе была заложена мина замедленного действия. В 90-е годы XX века и абазинцы, и ногайцы потребовали создания своих самостоятельных автономных образований в составе Российской Федерации. Разделенность территории проживания ногайцев привела к их постоянному разобщению, нарушению тесных экономических и культурных связей. Отсутствие какого-либо ногайского политического центра препятствует их объединению, способствует ослаблению внутривнутриэтнических связей. Межэтнические отношения осложняются еще и по причине переселения на ногайские земли жителей из других районов Республики Дагестан. В Ставропольском крае недовольство ногайцев вызвано тем, что они практически не

представлены в краевом руководстве. Ногайцы, оказавшиеся по воле центральной советской власти в 1957 году в Чеченской Республике, озабоченные своим будущим в случае выхода бывшей мятежной республики из состава Российской Федерации, массами мигрировали в другие районы страны. Точные сведения о ногайцах, уехавших в 90-е годы XX века из Чеченской Республики, неизвестны. Однако точно известно, что только в Ногайском районе Республики Дагестан было 2 360 ногайцев – беженцев из Чечни.¹ Были также попытки вовлечения ногайцев в сферу чеченской политики, в связи с чем велась активная пропагандистская работа в местах их компактного проживания [19].

На политическое сознание ногайцев свое влияние оказало то, что они находились в информационном вакууме. Отсутствие национально-территориальной целостности негативно сказывается на этническом самочувствии ногайцев. По этой причине, конечно же, возникают идеи национального возрождения

в различных выражениях – духовном, политическом и культурном. Отсюда и постановка ногайцами вопроса «о национальном самоопределении и создании своего автономного образования в рамках Российской Федерации» [20].

Проблема разделенных народов – лезгин цахуров, аварцев, ногайцев, осетин – одна из сложнейших, негативно влияющих на политическую стабильность и межнациональное согласие на Северном Кавказе. Анализируя эту проблему, следует отметить, что «разделенные» народы – всемирное явление, характерное для многих континентов. Для ее исследования необходима общетеоретическая и методологическая база. Все «разделенные» народы имеют много общего, хотя каждый народ обладает специфическими, только ему присущими проблемами. В мире сегодня проблема «разделенных» народов приобретает все больший политический вес. Наиболее ярким примером здесь являются Балканы и Кавказ.

Литература

1. **Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Чичановский А.А.** Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации. – М., 1997. С. 96.
2. **Арутюнян Ю.В., Дробижева Н.М.** Этносоциология: пройденные и новые горизонты // Социс. 2000, № 4. С. 16.
3. **Абдулатипов Р.Г.** Национальный вопрос и государственное устройство России. – М., 2000. С. 4–5.
4. **Зубов А.Б.** Унитаризм или Федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. № 5. С. 44.
5. **Дзидзов В.Д., Кадилаев А.М.** В поисках национального согласия. – Махачкала, 1992. С. 98–99.
6. **Рыжков В.А.** Странная федерация: проблемы и перспективы развития федерализма в России // Политика, № 4 (14). С. 92.
7. **Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития.** – М., 1998. С. 262.
8. **РГАС ПИ.** Ф. 96, оп. 52, д. 12. л. 68.
9. **ГАРФ.** Ф. 10028, оп. 4, д. 50, л. 22.
10. **Абдулатипов Р.Г.** Управление этнополитическими процессами (Вопросы истории и практики). – М., 2001. С. 344.
11. **Тернистый путь к свободе.** – Грозный, 1992. С. 3.
12. **Конституция Чеченской Республики.** – Грозный, 1992. С.3.
13. **ГАРФ.** Ф. 10026, оп. 4, д. 42, л. 25.
14. **Гакаев Д.Д.** Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух томах. – М., 1997. С. 176.
15. **Абдулатипов Р.Г.** Национальный вопрос и государственное устройство России. – М., 2000. С. 304.
16. **Текущий архив Госкомстата КБР по делам национальностей.** Справка об итогах съезда балкарского народа. 1991.
17. **Пути мира на Северном Кавказе // Независимый экспертный доклад под редакцией В.А.Тишкова.** – М., 1999. С. 25.
18. **Авксентьев А.В.** Северный Кавказ: сегодняшние реалии и опыт этнополитического прогноза // Этнические проблемы современности. 1999, вып. 4. С. 26.
19. **Кельдасов Р.Б.** Ногайцы: история, современность и проблемы // Народы Дагестана. – Махачкала, 1999. № 3. С. 51.
20. **Текущий архив Министерства по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан.** Материалы о ногайцах. 1998.

¹ По данным миграционной службы Республики Дагестан на 1 сентября 1999.